

УДК 159.923:316.6

Л. В. Шабанов

МАРГИНАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА МОЛОДЕЖНЫХ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ГРАНИЦАХ КОНЦЕПЦИИ «УПОРЯДОЧЕННЫЕ/ ХАОТИЧНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ»

В предложенной статье дается краткий анализ проблемы, связанной с молодежной субкультурой и ее неконформной картиной мира, которую мы склонны рассматривать как следствие искусственно созданной обществом позиции «вынужденной маргинальности», которая усугубляется проблемами переходного периода, изобилующими различными «точками бифуркации», вблизи которых социальные системы начинают вести себя неупорядоченно и непредсказуемо.

Ключевые слова: *молодежная субкультура, молодежное неконформистское объединение (МНКО), маргинальность, социальная система.*

Комплексные социально-психологические, социологические и социально-философские исследования молодежной субкультуры (1997–2007 гг.), которые мы проводили на базе Института теории образования Томского государственного педагогического университета с целью изучения молодежных объединений г. Томска, позволили нам установить явную связь внешних и внутренних характеристик молодежных объединений с особенностями, которые методологически соотносятся и определяются как «феномен вынужденной маргинальности» [1]. Полученные нами результаты весьма важны в практическом плане, так как позволяют выявить структурные характеристики объединения, являющиеся результатом вынужденного маргинального положения молодежи в современном обществе, и указывают на состоятельность теории, рассматривающей саму молодежную субкультуру как ложное образование (псевдоморфоз).

Важными факторами жизнедеятельности группы являются функционирующие в ней нормы, которые выступают своеобразными регуляторами групповых процессов, обеспечивая динамику ее развития, жизнеспособность. Равно как и дающие потенциальную способность членов группы к адаптации в социуме через согласованность групповых действий (ситуацию in-group), модели и методы оценок нормативного поведения индивида, особенности нормативного поведения членов группы, связанные с влиянием норм, разделяемых групповым большинством или меньшинством членского состава группы [2].

Однако насколько реально адаптирующим будет являться такой институт социализации, как объединение внутри молодежной субкультуры, если любое неконформное поведение изначально не нормировано социумом и ненормативно для большой референтной группы? Более того, в своих исследованиях мы заметили тенденцию к насильственной маргинализации молодежных групп, что также усугубляется заранее непредсказуемыми «точками бифуркации», подростковыми кризисами и переходными периодами ранней молодости, которые связаны с «Я-осознанием», «Я-пониманием», «Я-принятием». Вполне естественно предположить, что чем более усложненным стано-

вится общество, тем более сложным и долгим будет процесс социального взросления гипотетической общественной единицы или инициации (читай: полноценной интеграции, включению молодого человека в полноправную общественную жизнь).

Однако кризис духовной самобытности начала XXI в. заставляет современного человека подстраивать под чуждые идеалы свою жизнь – каким бы сильным ни было возникающее на личностном уровне чувство соучастия в жизни социума (рацио глобализации, чудо соборования, потребность в причастности и т. п.), в конечном счете человек неизбежно приходит к внутреннему смятению и обману. Особенно остро встает эта проблема в кризисные периоды переходного возраста. Попробуем в основных чертах ознакомиться с этими явлениями с точки зрения опрошенных нами юношей и девушек 16–28 лет в 2005 г. Молодые люди среди кризисных явлений выделили восемь значимых, среди них: поступление в вуз или ССУЗ, смена места жительства, потеря близких, окончание вуза или ССУЗа, смена круга общения, физиологические состояния, сессии, конфликты с родителями или значимыми взрослыми [2].

Вполне естественно было предположить, что особую актуальность данная проблема принимает по отношению к студентам вузов и учащимся ССУЗов, переезжающим на период обучения в другой город, так как в этот момент происходит специфическое совпадение нескольких факторов, вызывающих необходимость адаптации: отрыв от родителей и начало самостоятельной жизни. Во-первых, изменение типа учебного заведения и подхода к обучению; во-вторых, включение человека в новую иногороднюю социокультурную среду. Происходит тотальное размежевание индивидуальной картины мира с картиной мира социальной – демифологизация взглядов на жизнь в результате прохождения маргинальных возрастных («переходный возраст»), социальных («уже не ребенок, еще не взрослый»), культурных слоев.

Иными словами, молодой человек попадает в «промежуточную» (маргинальную) ситуацию как элемент определенного социального пространства. Переход через эту маргинальную ситуацию особенно

жестко экзаменует представителей молодежи в атомизированной общественной формации. Когда-то наши социальные роли и традиционные верования были взаимоуравновешены и, таким образом, взаимозаменяемы, чем и компенсировался главный кризис перехода, получается, что «взрослость» – это инициация. Увы, в наши дни функцию древних мифологий, связанную с вовлечением индивида в некую группу, привитием ему идеалов этой группы, формированием его мышления в соответствии с тем или иным ортодоксальным стереотипом и, наконец, превращением индивида в абсолютно надежный штамп взяли на себя разного рода либеральные, de-facto весьма авторитарные, демифологизированные светские институты.

В исследованиях, изучающих социально-психологические характеристики молодежных неконформистских объединений (МНКО) (1997–2005 гг.) [1], нам удалось получить стратификационную схему молодежной субкультуры, которая, исходя из характеристик, определяющих принадлежность группы к МНКО (степень высокой референтности открытых групп; дезадаптация и, как следствие, – низкая контактность и боязнь оценки при сложном демонстративном поведении; склонность к агрессивным реакциям и оценочному поведению в качестве компенсаторных защитных мер; «зеркальное восприятие» внешних (out-group) и внутренних (in-group) ситуаций, порождающее гиперконформность), мы предложили следующую типологию внутри молодежных субкультур по степени их маргинальности.

I. НЕФОРМАЛЫ, ОТВЕРЖЕННЫЕ СОЦИУМОМ – это прежде всего люди, которые по каким-либо причинам не смогли вписаться в общество на определенном этапе его развития, сюда же относятся союзы инвалидов. Мы выделили три наиболее четко представленных блока внутри молодежной субкультуры: детдомовцы (интернатовцы); «застрявшие» («олдовые»); криминальная субкультура.

II. НЕФОРМАЛЫ ПРЯМОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКА. В когорту входят: антиглобалисты; битники; green rease; диссиденты (правозащитники); молодежные объединения внутри политических партий: фашики, скинхэды, хип-хопперы, экстремистские организации. Есть в этой когорте и так называемые зайцы – те, кто присоединился к партии (как правило, во время сезонной активности на выборах) ради какой-либо выгоды (например платы за работу). Им не интересна ни идеология, ни моральный облик партии; многие «зайцы» могут, в принципе, работать на нескольких хозяев.

III. НЕФОРМАЛЫ КРЕАТИВНОГО ХАРАКТЕРА (они же *БОГЕМА*, самоназвание – *UNDERGROUND*) – писатели, художники, музыканты и их друзья. Наличие внешней атрибутики в данном случае оказывается слабой попыткой создать хоть какую-то иллюзию организованного объединения (КСП, МОМА, рок-клу-

бы). При этом с большой долей вероятности можно предположить, что даже среди самих членов такой группы нет единства, тесных эмоциональных связей и сплоченности (исключением, пожалуй, могут стать только «Митьки» и растаманы).

IV. НЕФОРМАЛЫ НЕПРЯМОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКА – визионеры, интели, киберпанки, не-присоединенцы, панки, религиозные неконформисты, сектанты, хакеры, хиппи.

V. НЕФОРМАЛЫ НЕПОЛИТИЧЕСКОГО ТОЛКА – байкеры, байсекеры, гопники, готы, гранжеры, джанглы, индейцы, кислотники, ледетки, металлисты, толкинисты, роллеры, экстремалы, эмо.

VI. НЕФОРМАЛЫ-КОНФОРМИСТЫ:

1) социальные движения, главный лозунг которых «Мы против того, чтобы быть “против”», такие как золотые детки, мажоры, моды, попперы, форца (от неверного англ. произношения «for sale»), хайлайфисты;

2) *группы по интересам*. Сами группы по интересам больше всего напоминают скорее «болезнь роста» – движение очень молодое и нестабильное.

Вполне естественно, что группа не может существовать только на организующей идее (или какой-либо прикладной идеологии), необходимы какие-то правила и нормы поведения, общие для всех, именно они служат факторами поддержания устойчивости и целостности. Подобная конформность образует общую униформу (джинса, кожаны и т. п.), общий сленг (система, бэзар и т. п.), стилистику поведения («на улице» – ведь именно она и есть главный механизм социального контроля в группе. Именно поэтому вторая часть данной работы будет целиком посвящена анатомии МНКО, где мы постараемся определить, кем же все-таки являются члены МНКО – неконформистами, несущими знамя протеста, или людьми, сознательно или неосознанно пытающимися найти свою социальную «стартовую площадку» для вхождения во «взрослый» мир, т. е. на каждый конкретный момент – «вынужденными маргиналами».

Однако как удастся на протяжении уже нескольких поколений ретранслировать этот опыт внутри такой динамичной группы, как молодежь? Мы предположили, что в основе процессов, движущих молодежной субкультурой, лежат характеристики типа «хаос» – «порядок». В основе этой гипотезы лежат концепции Ю. М. Лотмана и Г. С. Кнабе о вторично упорядоченных «диссипативных» структурах [3].

Однако, говоря о поведении неустойчивых систем, созданных на основе часто не связанных между собой микрогрупп, необходимо понимать, что главной и важнейшей характеристикой групп типа МНКО является неконформизм. И здесь мы должны понимать и то, что любая молодежная среда – это коммуникативное поле, в котором обязательно существуют и иерархия, и борьба внутренних идеологий, и определенные отклонения от стандартов поведения (даже

внутри жестких иерархических организаций). Таким образом, с точки зрения коммуникативных подходов и по итогам исследований 2002–2006 гг. мы получили еще две устойчивые характеристики группы типа МНКО:

1) транскомуникативная природа передачи группового опыта внутри молодежной субкультуры, что определяется возможностью распространения себя на значительное расстояние и освоения различных пространств (диатопность), возможностью представлять совершенно аутентичные структуры (на информационных носителях: аудиокассетах, пластинках, CD-, DVD-, Flash-носителях) и представления этой информации любому большинству людей практически одновременно (симультантность);

2) структурная ригидность – возможность длительного самосохранения группы типа МНКО во времени (хиппи, панки, металлисты сменили внутри своих групповых структур несколько поколений, однако такие характеристики, как атрибутивность и прикладная идеология, сохранились практически без изменения). Эти группы очень сложно собираются, но еще сложнее их дезорганизовать или привести к распаду – за период своего существования они научились репликативности (возможности регуляции своих воздействий внутри собственной системы). И, наконец, еще один важный фактор: мультиплицируемость – возможность многократного воспроизведения аутентичного (часто с элементами патернов архаичного) содержания своей структуры.

Правда, с недавних пор мы стали свидетелями не только возвращения и извращения архаики в традициях современного мифотворчества. Светское промывание мозгов вместо схоластики, идеология вместо канона, изменения и перестройка в духе «политкорректности» архетипических образов мифа и т. п., вот что дает нездоровую патологическую картину мира, которая на нашем личностном ментальном уровне (коммуникативные знаки: слова, образы, движения, ритмы, цвета, запахи, ощущения, поступающие извне) не стыкуется ни со средой (связь «Я» и предметного мира), ни с общей картиной мира.

Во-первых, еще с детства нам навязывается целая система заблуждений, которые совершенно не стыкуются с миром наших последующих неформальных отношений (в том числе интроекция), когда наш опыт во многом противоречит нашим знаниям.

Во-вторых, наше восприятие не может обрабатывать чуждую нам символику, превышающие размеры наших возможностей информационные потоки и т. д. и т. п. А это в свою очередь подводит нас к целому ряду факторов образования контр- и антикультурных феноменов или субсоциального многополярного мира.

В-третьих, круг замыкается на новых потребностях внутри коммуникации, которые не позволили бы утянуть нас обратно в уже покинутый нами мир соци-

альных шаблонов и навязываемых извне интерпретаций.

Кроме того, существует определенная вариативность метафорического и адиафорического общения внутри молодежной субкультуры, что создает коммуникативные барьеры с особыми характеристиками, не позволяющие работать в поле общего взаимопонимания и компетенций толерантных качеств коммуникаторов в работе по возможной конвергенции представителей МНКО и взрослого сообщества [1].

Получается, что, говоря о транскомуникативной природе группы в ее транспективной инвариантности, мы имеем дело с неким олицетворением силы хаоса, силы социально нестабильной, разделяющей однородное и референтное сообщество на групповое множество сообществ и объединений, которые также развиваются, соединяясь или дифференцируясь друг от друга, образуя сложную многомерную социальную Вселенную – Макро-Антропа.

Перед нами снова встает необходимость в обнаружении группы (маленький контркультурный микросоциальный мир, где мы начинаем чувствовать себя гиперконформно – «все свои»). Внутри данной группы проще противостоять условиям внешней маргинализации до тех пор, пока мы лично не выростем из пределов занятой субкультурной ниши.

Таким образом, мы можем констатировать, что идет отделение молодежи от социальных и родственных связей: во-первых, для борьбы за освобождение личной судьбы; во-вторых, для определения своего места внутри макросоциальной общественной схемы (революционные движения конца XIX – середины XX вв., экзистенциальная философия и психология начала XX в., движения декадентов и модернистов в искусстве). Существует особый феномен транскомуникативной трансляции группового опыта и образа того или иного МНКО через музыку, искусство, поведение, выделяющее тот или иной субкультурный блок из общего социального порядка. Даже в ситуациях отсутствия непосредственных контактов участников (например в случае удаленности, бедности или «железного занавеса») и без особых «межпоколенных» транзакций (мы можем наблюдать это в динамике таких движений, как хиппи, панки или гопники), что в значительной степени позволяет нам говорить о неких общих принципах внутренней динамики молодежной субкультуры: от сложных идеологий к простым поведенческим и атрибутивным, часто театрально-искусственным манифестациям.

Уже в 60-е гг. возрастной разброс носителей «переходового сознания» от 15 до 45 лет, а в 70-е гг. официальная массовая индустрия вообще работает на андеграунд, ввиду растущего потребительского спроса на контр- и антикультурные явления. В 80-е гг. понятие «подполье» (андеграунд) сводится к нетрадиционной сексуальной ориентации и скандальному кичу [4]. В 90-е гг. все это порождает потребительское по-

ведение, основанное на социальном знании, подражании, конформизме, аттракции, социальной фасилитации, атрибуции и т. д. Мода вдохновляет и определяет массовое поведение в рамках социальных коммуникативных сетей (мода на одежду, на фильмы, на книги, на идеи и т. п.). Волна ремифологизации, трансформируя тип культуры [5], изменила внутреннюю структуру многих феноменов. Появляется мода на самоопределение и оригинальность: «Я хочу быть необычным, как все» (одна из стратегий негативизма). Мода быть «Другим без Другого», придерживаясь лишь внешней атрибутики и противопоставляя себя ценностям общества, демонстрируя отклонения от норм, что фактически является демонстрацией трансформации культурной традиции на принципах декларации гуманизма (ненормальность – нормальна, а норма – закрепощает, она тотальна и неинтересна). В исследованиях качества толерантности в различных группах (2003–2004 гг.) мы описали этот феномен как «некомпетентную толерантность» [2, 6], взяв за методологическую основу концепцию «наивного реализма» Л. Росса и Э. Уорда [7].

Получается определенный парадокс: с одной стороны, молодежи навязывают позицию акселерата-потребителя (сегодня ему берут памперсы, потом игрушки, затем он сам – колу, презервативы, компьютеры и т. д. и т. п.); с другой стороны, на личностном уровне общество сдерживает развитие молодежи, загоняя в инфантилизм: низкая степень самостоятельности, низкий уровень ответственности, размытый в ролевом наборе «Я-образ», отказ от предъявления «Я-идентичности» в пользу модности и стремления максимально безопасно социализироваться.

В этой ситуации молодой человек начинает искать свои формы выражения и самореализации в каких-либо социальных формах. Недаром представители молодежи весь XX в. находились на политическом фронте, в партизанских отрядах, создавали сложные

субкультурные группы, делали революции в различных социальных сферах (от искусства, одежды и перформанса до Интернет-сетей и сообществ «Всех цветов Радуги»). Именно со второй половины XX в. мы можем четко проследить исторический псевдоморфоз, т. е. определение, или феномен, подходящий для тех случаев, когда более старая, чуждая культура, оставаясь фундаментом нового образования, основательно накладывает свой отпечаток на новую молодую традицию. В результате новое образование постепенно задыхается и умирает из-за невозможности достижения чистых, специфичных и оригинальных форм своего самоосознания. Судите сами, символика символов сегодня чаще всего размывается в общий дизайн модного или антимодного восприятия социального «Я» человека. П. Кеннеди назвал этот феномен: «Антиинтеллектуальная культура» [8], он проявляется в чрезмерном внимании к удовлетворению потребительского спроса, громкости, яркости красок и развлечений в ущерб серьезному размышлению, приводит к тому, что молодежь усваивает систему ценностей массовой индустрии развлечений.

Иными словами, мы сталкиваемся с некоторыми условиями, которые нивелируют дифференцирующие процессы внутри молодежной субкультурной среды, превращая ее в аморфное социальное образование, которое по своей природе изначально имело характеристики псевдоморфности. Анализируя это проблемное поле, мы вновь вплотную приближаемся к проблеме ментальности и иерархичных полярных размежеваний макро-, кросс-, субкультурных феноменов в среде большой референтной группы, напрямую связанных с изменениями в самом обществе на уровне таких социально значимых полей, как сплоченность и идеология, демография и проблема традиционной семьи, перспектива социальной стабильности, опасность социальных деприваций (революции ожиданий), аномия.

Список литературы

1. Шабанов Л. Социально-психологические характеристики молодежных субкультур: социальный протест или вынужденная маргинальность. Томск: ТГУ, 2005. 398 с.
2. Кабрин В. И. и др. Исследование и развитие определенных качеств толерантности в тренинговых группах с различной степенью директивности // Вест. Томского госуниверситета. 2005. № 285. С. 61–68.
3. Кнабе Г. С. Феномен рока и контр-культура // Вопр. философии. 1990. № 8. С. 39–61.
4. Савин П. Н., Шабанов Л. В. Эпоха личного мифа // ПрофорIENTATION и психологическая поддержка. Теория и практика: мат-лы V регион. науч.-практ. конф. Томск, 2003. С. 174–178.
5. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. 432 с.
6. Савин П. Н. Культура и процесс ремифологизации // ПрофорIENTATION и психологическая поддержка. Теория и практика: мат-лы V регион. науч.-практ. конф. Томск, 2003.
7. Росс Л., Уорд Э. Принципы наивного реализма и их роль в возникновении непонимания между людьми // Психол. журнал. 2000. Т. 21. № 6. С. 26.
8. Кеннеди П. Вступая в двадцать первый век. М., 1997. С. 362.

Шабанов Л. В., доктор философских наук, кандидат психологических наук, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Россия, 634061.

E-mail: lev.sha@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 20.02.2009

L. V. Shabanov

MARGINLISM – MAIN CHARACTERISTIC OF YOUTH INFORMAL ASSOCIATIONS IN BORDERS OF THE CONCEPT « THE ORDERED / CHAOTIC SOCIAL SYSTEMS»

In this article we give brief analysis of the problem connected to youth subculture and nonconformism of it, like a picture of the world which we are inclined to consider as a artificial of position created by a society «compelled marginality» which is aggravated with the transitional problems abounding various «points of deviation» near to which social systems start to behave is unpredictable.

Key words: *youth subculture, youth nonconformist association (МНКО), marginality, social system.*

Shabanov L. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: lev.sha@sibmail.com